

Закиров Ринат Саярович

СУД НАД ЭСЕРОМ-ТЕРРОРИСТОМ И. П. КАЛЯЕВЫМ

С помощью ряда мемуарных источников, архивных данных, листовок освещаются обстоятельства суда над эсером-террористом Иваном Платоновичем Каляевым, причины подачи им кассационной жалобы и казни. Обосновывается тезис о том, что отказ Каляева от помилования был сознательным и имел под собой основания этического характера, а суд, рассмотрение кассационной жалобы и казнь воспринимались как элемент агитационно-пропагандистской работы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/17.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 75-79. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. **Государственный музей революции СССР**: альбом / вступ. ст. О. И. Сопочинский. М.: Советский художник, 1967. 132 с.
2. **Грибоносова-Гребнева Е.** Творчество К. С. Петрова-Водкина и западноевропейские «реализмы» 1920-1930-х гг. М.: Галарт, 2010. 200 с.
3. **Епишин А. С.** Эстетические и социологические тенденции «предоктябрьской» эпохи в коллекции живописи Центрального музея революции [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2011. Сентябрь. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2011/09/2317> (дата обращения: 10.10.2011).
4. **Каменский А. А.** Власть жанра // Декоративное искусство СССР. 1982. № 1. С. 20-24.
5. **Каменский А. А.** О сущности праздника // Декоративное искусство СССР. 1979. № 3. С. 70-71.
6. **Каменский А. А.** Праздник – театр идеала // Декоративное искусство СССР. 1978. № 11. С. 29-34.
7. **Каменский А. А.** Романтический монтаж. М.: Советский художник, 1989. 336 с.
8. **Капланова С. Г.** Новое о Кустодиеве. Пути творческих поисков. Воспоминания. Письма. М.: Изобразительное искусство, 1979. 192 с.
9. **Костин В.** Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. М.: Советский художник, 1986. 164 с.
10. **Лебедева В.** Кустодиев: живопись, рисунок, театр, книга, эстамп. М.: Наука, 1966. 244 с.
11. **Мазаев А. И.** Праздник как социально-художественное явление. М.: Наука, 1978. 392 с.
12. **Немиро О. В.** Агитационно-массовое искусство первых лет Октября: материалы и исследования. М.: Искусство, 1971. 223 с.
13. **Пиотровский А. И.** Празднества Революции // Жизнь искусства. 1927. № 45. С. 9-17.
14. **Рахинштейн А.** Агитационно-массовое искусство первых лет Октябрьской революции // Искусство. 1967. № 12. С. 50-57.
15. **Турков А. М.** Борис Михайлович Кустодиев. М.: Искусство, 1986. 160 с.
16. **Эткинд М. Г.** Б. М. Кустодиев. Л. - М.: Искусство, 1960. 219 с.
17. **Cohen A. J.** Imagining the Unimaginable. World War, Modern Art and the Politics of Public Culture in Russia, 1914-1917. University of Nebraska Press, 2008. 420 p.

“FEAST OF REVOLUTION” THEME IN PAINTING OF POST-OCTOBER EPOCH**Andrei Sergeevich Epishin***Department of Art Criticism**Research Institute of Arts Theory and History**Russian Academy of Arts**andrei.epishin.z@mail.ru*

The author analyzes the development of “feast” genre in the works of the Russian painting of the first third of the XXth century, emphasizes the feast experience of revolutionary art, and sequentially considers the transformation of folklore-historical theme into the deep metaphorical idea of revolutionary national triumph paying attention mainly to the paintings from the collection of the Central Museum of Revolution.

Key words and phrases: feast; revolutionary art; Central Museum of Revolution; October Revolution; folklore; painting; agitation art.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

С помощью ряда мемуарных источников, архивных данных, листовок освещаются обстоятельства суда над эсером-террористом Иваном Платоновичем Каляевым, причины подачи им кассационной жалобы и казни. Обосновывается тезис о том, что отказ Каляева от помилования был сознательным и имел под собой основания этического характера, а суд, рассмотрение кассационной жалобы и казнь воспринимались как элемент агитационно-пропагандистской работы.

Ключевые слова и фразы: эсеры; терроризм; И. П. Каляев; покушение; великий князь Сергей Александрович.

Ринат Саярович Закиров*Кафедра отечественной истории**Московский государственный гуманитарный университет им. М. А. Шолохова**rinatz1978@gmail.com***СУД НАД ЭСЕРОМ-ТЕРРОРИСТОМ И. П. КАЛЯЕВЫМ©**

5 апреля 1905 года в Москве в здании судебных установлений на Сенатской площади в московском Кремле состоялось слушание дела члена Боевой организации Партии социалистов-революционеров Ивана Платоновича Каляева, который 4 февраля 1905 года бросил бомбу в карету великого князя Сергея Александровича.

Великий князь был убит на месте, кучер смертельно ранен, террорист, не пытаясь скрыться, сдался полиции. После двух месяцев практически безуспешного следствия (не удалось выявить ни связей, ни сообщников террориста, а сама личность задержанного была установлена буквально накануне судебного заседания) дело было передано на рассмотрение Особого присутствия Правительствующего Сената.

Устранение с политической сцены одного из реакционных государственных чиновников не было для эсеров самоцелью. Каждый удавшийся террористический акт сам по себе являлся мощным средством наглядной пропаганды, вносил смуту и растерянность в верхи и служил средством революционизации масс. Однако эсеры, как правило, обеспечивали каждому такому событию широкую информационную поддержку путем публикаций соответствующих статей и выпуска листовок с объяснениями, за что был убит тот или иной чиновник. В свою очередь суд над исполнителем покушения, кассация, приговор, заключение или казнь также получали такую поддержку и предавались широчайшей огласке. Помимо традиционных статей и листовок, использовались и оригинальные методы агитации: так, адвокат М. Л. Мандельштам, воспользовавшись лазейкой в законодательстве, во время процесса над Каляевым неоднократно выступал с публичными лекциями и оглашал материалы закрытых судебных заседаний [7, с. 249]. Таким образом, суд рассматривался эсерами как очередная возможность агитации против режима. В одной из листовок, извещающих о готовящемся процессе, Московский комитет ПСР писал: «Не преступник предстанет перед судьями, а грозный судья, мститель за погрязшие права пострадавшего народа» [4, д. 19101].

Со стороны обвинения процесс тоже готовился очень серьезно. На процессе судьями были сенаторы Бобринский, Куровской, Зволянский, Ширинский-Шахматов, Варварин, Петербургской губернии предводитель дворянства Гудович, московский городской голова Голицын и Ямбургский волостной старшина Варшавский. Председательствовал известный еще со времен политических процессов 1880-х годов действительный тайный советник П. А. Дейер.

Защитниками И. П. Каляева были его давние знакомые, присяжные поверенные М. Л. Мандельштам и В. А. Жданов. Первоначально Каляев планировал пригласить присяжного поверенного Тесленко, но он оказался в отъезде. Присяжный поверенный Жданов сам через М. Л. Мандельштама предложил Каляеву свои услуги, и Каляев согласился, в числе прочих причин имея в виду возможные провокации Департамента полиции в части того, что сам он был поляк, а М. Л. Мандельштам – еврей. Наличие же среди защитников русского адвоката, по его мысли, не давало властям возможности представить все происходящее как инородческую интригу [7, с. 239].

Обвинение было поручено будущему министру юстиции И. Г. Щегловитову. Заседание было объявлено закрытым: в планы властей не входило предоставлять И. П. Каляеву открытую трибуну для обращения к народу. Однако зал был полон пришедшими по приглашениям полицейскими и жандармскими офицерами [Там же, с. 250]. Судебный процесс над исполнителем покушения на Великого князя Сергея Александровича вызвал большой общественный резонанс, и немало публики, не попавшей в зал, толкалось в коридоре и на улице.

По свидетельству адвоката М. Л. Мандельштама, речь прокурора была суха и невыразительна, так как «еще было неизвестно, какой курс победит окончательно в сферах, и яркой речью в ту или иную сторону можно было скомпрометировать свою карьеру» [Там же, с. 252-253]. В заключение прокурор потребовал для обвиняемого смертной казни, однако нужно иметь в виду, что, хотя, согласно решению Сената от 1 марта 1881 года, все лица, причастные к убийству членов царской фамилии, подлежали смертной казни, незадолго перед убийством Великого князя Сергея Александровича Николай II утвердил новое уголовное уложение, в котором смертная казнь была введена в лестницу наказаний, и суд получил право заменять смертную казнь вечной каторгой [1, с. 98].

Видимо, смертный приговор Каляеву не был заранее предрешен. Речи его адвокатов сводились к следующему: в том, что от бомб и выстрелов гибнут государственные чиновники, виноваты не какие-то отдельные люди, а самые условия современной жизни [7, с. 253-254]. Как и хотел Каляев, не было сказано ни одного слова в его личную защиту: защищалось дело партии.

Более того, в речах адвокатов явно прослеживается угрозно-предостерегающий мотив: не суди, да не судим окажешься. Адвокат В. А. Жданов, в частности, сказал: «Теряется надежда на мирный исход этой борьбы, и все ближе надвигается чудовищный призрак гражданской войны... свершая свой суд, помните, что в грядущие дни, кровавая заря которых уже виднеется на небосклоне, на чаше весов, коими будет мериться все прошлое, не последнее место займет и ваш приговор» [Там же, с. 28]. Впоследствии перед рассмотрением кассационной жалобы адвокат Каляева В. В. Беренштам, встретив первоприсутствующего Дейера в пустом коридоре, сунул руку в карман брюк, делая вид, что у него там пистолет, и в таком виде повел с ним разговор. Дейер был так напуган, что побледнел и присел [1, с. 101].

Речь самого Каляева была блестящей и, по сути, была обвинением суду и существующему строю. Начал он ее такими словами:

«Прежде всего – фактическая поправка: я – не подсудимый перед вами; я – ваш пленник. Мы – две воюющие стороны. Вы – представители императорского правительства, наемные слуги капитала и насилия. Я – один из народных мстителей, социалист-революционер. Нас разделяют горы трупов, сотни тысяч разбитых человеческих существований и целое море крови и слез, разлившееся по стране потоками ужаса и возмущения. Вы объявили войну народу, мы приняли вызов. Взяв меня в плен, вы теперь можете подвергнуть попытке медленного угасания, можете меня убить, но над моей личностью вам не дано суда. Как бы вы не ухитрились властвовать надо мной, здесь для вас не может быть оправдания, как не может быть для меня

осуждения. Между нами не может быть почвы для примирения, как нет ее между самодержавием и народом. Мы все те же враги, и если вы, лишив меня свободы и гласного обращения к народу, устроили надо мной столь торжественное судилище, то это еще нисколько не обязывает меня признавать в вас моих судей. Пусть судят нас не закон, облеченный в сенаторский мундир, пусть судит нас не рабье свидетельство сословных представителей по назначению, не жандармская подлость. Пусть судит нас свободно и нелицеприятно выраженная народная совесть. Пусть судит нас эта великомученица истории – народная Россия» [6, с. 29-30]. Эта речь Каляева впоследствии стала знаменитой и неоднократно издавалась эсерами в листовках и брошюрах.

После недолгого совещания все сенаторы согласились с виновностью Каляева по всем пунктам обвинения и единогласно вынесли ему смертный приговор. И. П. Каляев, выслушав его, сказал: «Я счастлив вашим приговором и надеюсь, что вы решитесь его исполнить надо мной так же открыто и всенародно, как я исполнил приговор партии социалистов-революционеров. Учитесь смотреть прямо в глаза надвигающейся революции» [Там же, с. 47].

На следующий день, 6 апреля 1905 года, ему был оглашен приговор в официальной форме, и Каляев заявил, что он уполномочивает своих адвокатов подать кассационную жалобу в Сенат. Это делалось не для того, чтобы спасти свою жизнь; текст ее начинается со слов: «Я знаю, что я должен умереть. Идя на кровавое дело, я заранее приготовился заплатить за него и своей жизнью» [5, д. 565, л. 1]. А задолго до этого И. П. Каляев говорил М. Л. Мандельштаму: «Я твердо и бесповоротно решил умереть. Моя смерть так же нужна для партии и революции, как смерть великого князя... Мое помилование превратит террористический акт, совершенный мною, во взрыв бомбы в глухом погребке. Звук взрыва получится приглушенный и ослабнет эффект всего дела» [7, с. 240].

На суде и во время рассмотрения кассационной жалобы Каляев просил своих адвокатов не говорить ни слова в его личную защиту, а защищать его как представителя ПСР, то есть защищать дело своей партии. Он не считал дело 4 февраля вполне своим личным делом, а больше делом эсеровской партии, и чувствовал себя не вправе высказывать на суде свои личные взгляды и мнения.

Надо сказать, что эсеры рассматривали террористические акты против одиозных государственных чиновников (в том числе убийство Великого князя Сергея Александровича) некоей судебной альтернативой, своеобразным вотумом недоверия власти со стороны общества, осуществленным руками революционеров. Так, в одной из эсеровских листовок указано, что в министров и чиновников бросают бомбы, «так как в нашем царстве нет другой управы на сильных, да богатых: делают они с разрешения царя – что хотят» [4, д. 1910]. В другой листовке автор высказывается еще более определенно: «И не ищи управы на насильников [над народом] в суде – и суд на службе у правительства, за золото продал ему он совесть свою, и кто богат, да власть имеет, и царю угоден, тот и прав у него. Да только и помимо царских судов нашлась управа на насильников» [Там же, д. 13744]. Сам И. П. Каляев в кассационной жалобе написал: «У меня не было личных мотивов убивать Великого князя <...> Убийство Великого князя Сергея Александровича не есть простой акт идейного мщения со стороны одного или группы революционеров. Это, прежде всего, протест против системы и власти с тем выражением недоверия правительству от лица всего народа...» [5, д. 565, л. 20, 25].

Во время встречи с вдовой Великого князя, Великой княгиней Елизаветой Федоровной, в ответ на ее слова о том, что покойный Великий князь был хорошим человеком, И. П. Каляев уточнил, что Великий князь рассматривался эсерами исключительно как определенный политический деятель [6, с. 9].

Поэтому И. П. Каляев считал необходимым исправить вырвавшееся у него во время судебного заседания замечание о том, что Великий князь был убит и как политический деятель, и как член царской фамилии, что противоречило официальной позиции ПСР: не направлять террор против членов царской семьи. Это была главная причина подачи кассационной жалобы [7, с. 256].

Поэтому в кассационной жалобе адвокаты предлагали исключить из списка инкриминированных Каляеву статей статью № 105 (убийство члена императорского дома), так как Великий князь Сергей Александрович был убит не как член императорской фамилии, а как бывший московский генерал-губернатор и серый кардинал Российской империи.

Кроме того, Каляев считал необходимым внести еще одно важное уточнение: в приговоре он предстал безжалостным и безрассудным убийцей, который легко подвергал опасности жизни посторонних людей. Это не соответствовало действительности, могло бросить тень на партию социалистов-революционеров и поэтому опровергалось материалами следственного дела: так, по показаниям одного из жандармов, в полицейском участке Каляев «держал себя спокойно, но выражался дерзко, говорил, что он доволен тем, что, кроме Великого князя, никого не убил» [2, д. 653, л. 73]. То же самое он повторил на первом же допросе: «Посягательство было направлено исключительно против Великого князя, и ему очень приятно, что в карете не было Великой княгини и не пострадали иные лица» [3, д. 591а, л. 5 об.]. О том, что кучер Рудинкин получил тяжелые ранения и вскоре после покушения умрет, еще не было известно.

Поэтому в кассационной жалобе И. П. Каляев писал: «Имей я малейшее сомнение, что в карете не один Великий князь, я, согласно общему стремлению организации избегать лишнего кровопролития, не бросил бы снаряда... В приговоре говорится, что я не щадил посторонних. Я решительно протестую против этого недобросовестного обвинения» [5, д. 565, л. 23]. И. П. Каляев подчеркивал также, что не было никакого способа осуществить покушение в тот момент, когда Великий князь был бы совершенно один и никого бы не было вокруг, а адвокат М. Л. Мандельштам при этом заметил, что, «стреляя в мирные демонстрации

молодежи и рабочих, правительство очень мало заботилось не об одном, а о десятках случайных прохожих, которые падали от шальных пуль» [7, с. 247].

Таким образом, нового разбирательства в Сенате Каляев добивался для того, чтобы не дать властям возможности дискредитировать свою партию и получить новую возможность для пропаганды эсеровских идей. Также он ждал возможности поправить некоторые прорвавшиеся у него высказывания, отражавшие не партийную программу, а его личные мнения и суждения.

7 апреля Каляев из Москвы был переведен в Петербург, а оттуда – в Петропавловскую крепость. В Петербурге М. Л. Мандельштам не мог его часто навещать, и адвокатом И. П. Каляева стал В. В. Беренштам, который и поддерживал в Сенате его кассационную жалобу. Он вспоминал, что была возможность, цепляясь за юридические тонкости, добиться отмены смертного приговора (смягчающим обстоятельством могло послужить то, что Каляев сразу «сознался» в совершенном преступлении; не предпринимал попыток скрыться; преступление его было бескорыстным и др.), но его подзащитный «ни за что не хотел принять жизни» [1, с. 98]. Также И. П. Каляев взял с матери и сестры слово, что они также не будут подавать прошения о его помиловании [7, с. 258]. Мать И. П. Каляева впоследствии рассказывала: «Когда я впервые “после того” увидела Ваню, то сказала ему: сейчас Страстная неделя, в это время страдал Христос... И Его судили за веру, осудили и распяли. Теперь будут судить тебя за твою веру и казнят. И тогда Ваня весь просиял от радости, обнял меня и закричал в восторге: “Мама, мама, как я счастлив, что ты поняла меня!”» [1, с. 93].

Вторым адвокатом во время рассмотрения кассационной жалобы Каляева был все тот же М. Л. Мандельштам, приехавший из Москвы, и Каляев в шутку сравнивал себя и своих адвокатов с героями пьесы Метерлинка «Трое», в которой два человека пытаются отговорить умирать, спасти от смерти третьего [Там же, с. 103].

29 апреля 1905 года состоялось рассмотрение кассационной жалобы Каляева. В самом начале заседания он потребовал для себя суда присяжных, но ему было отказано. Также председательствующим было принято решение о рассмотрении кассационной жалобы за закрытыми дверями. При этом случайно обнаружилось, что Департамент полиции подобрал подготовленных людей, которые в зале суда должны были изображать случайную публику, и даже снабдил их соответствующими удостоверениями, для того чтобы они смогли попасть в зал в первую очередь. Однако процесс был объявлен закрытым и подсадную публику в зал не пустили [9, с. 196].

М. Л. Мандельштам в защитительной речи говорил о фактической стороне дела и повторил сказанное им на первом заседании Сената. В. В. Беренштам говорил о нравственной стороне дела. Он говорил, что убить Каляева судьям нельзя не ради него, но ради себя самих. Каляева не трогает его смертный приговор, а сенаторы должны задуматься, не будет ли их детям стыдно за поступок отцов? [1, с. 103-104].

В итоге кассационные жалобы Каляева и его защитников были отклонены: нарушения в судопроизводстве были признаны незначительными, а ст. 105 не была отменена в связи с тем, что «Великий князь, исполняя означенную должность [московского генерал-губернатора], не переставал быть членом императорского дома» [2, д. 653, л. 162].

До приведения приговора в исполнение оставалось несколько дней. Каляев попросил адвоката Беренштама принести ему описание обряда смертной казни, как он описан в уставе уголовного судопроизводства, чтобы иметь возможность к ней подготовиться, и тот выполнил эту просьбу.

Есть интереснейшее свидетельство М. Палеолога, посла Франции в Российской империи, о том, что на другой день после вынесения приговора министр юстиции С. С. Манухин, делая доклад Николаю II, спросил, желает ли он смягчить приговор Каляеву, как его о том просила Великая княгиня Елизавета Федоровна. Николай II ничего не ответил, но затем тотчас же вызвал директора Департамента полиции Коваленского и дал ему секретное приказание добиться от И. П. Каляева прошения о помиловании [8, с. 119].

По всей видимости, в этом направлении началась активная работа, и 6 мая 1905 года появляется «Заявление осужденного Ивана Каляева господину министру юстиции». В нем он пишет: «Ввиду слухов о возможности смягчения моей участи, я, как революционер, дорожающий моей нравственной связью с лучшими традициями «Народной Воли» и с борющейся Россией настоящего, заявляю, что помилование противоречило бы моей политической совести, и как акт, имеющий целью одну мою личность, принять помилование я не могу. По личному чувству, кроме того, поясняю, что вне возможности служить моей родине моя жизнь мне не нужна. Прошу приговор привести в исполнение» [3, д. 591а, л. 330].

Кажется, это единственный, уникальный в мировой истории случай, чтобы осужденный на смертную казнь писал заявление с просьбой привести приговор в исполнение!

Для приведения приговора в исполнение осужденного перевезли в Шлиссельбургскую крепость. Перед казнью в камеру к И. П. Каляеву несколько раз заходил военный прокурор Федоров (с ним Каляев был знаком по учебе в Московском университете в 1898 году), который, исполняя распоряжение С. Г. Коваленского, вновь убеждал осужденного подать прошение о помиловании и даже приносил уже отпечатанную бумагу, на которой оставалось только поставить подпись.

Но Каляев, несмотря на уговоры и просьбы, отказался ее подписывать и был повешен в Шлиссельбургской крепости в ночь с 9 на 10 мая 1905 года.

Таким образом, можно считать установленным, что поведение И. П. Каляева на суде, во время рассмотрения кассационной жалобы и казни полностью соответствовало требованиям неписаного этического кодекса революционера. Революционеры (в том числе и И. П. Каляев) рассматривали самодержавную власть как непримиримого врага, с которым невозможны никакие переговоры, поэтому не сотрудничали с ней и не обращались

с прошением о помиловании. По этой же причине суд не воспринимался И. П. Каляевым серьезно и рассматривался им исключительно как возможность гласного обращения к народу. Очень показательна фраза адвоката, который намекнул судьям, что в случае вынесения обвинительного приговора в будущем им это припомнят.

При этом И. П. Каляев по этическим соображениям не считал для себя возможным продолжать жить после убийства другого человека и подавал кассационную жалобу не в целях сохранения собственной жизни, а исключительно для того, чтобы иметь еще одну возможность защитить партийные интересы.

Суд, кассация и казнь И. П. Каляева привлекли к себе внимание и имели большой общественный резонанс. В свою очередь эсеровская партия широко использовала его имя в агитационных целях и в итоге получила хорошие имиджевые дивиденды.

Список литературы

1. Беренштам В. В. В боях политических защит. М. - Л.: Книга, 1925. 202 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 112. Оп. 1.
3. ГАРФ. Ф. 124. Оп. 67.
4. ГАРФ. Ф. 1741. Оп. 1.
5. ГАРФ. Ф. 5831. Оп. 1.
6. Иван Платонович Каляев. Б.м.: Типография ПСР, 1905. 48 с.
7. Мандельштам М. Л. 1905 г. в политических процессах: записки защитника. М.: Издательство Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1931. 322 с.
8. Палеолог М. Царская Россия во время мировой войны. М.: Междунар. отношения, 1991. 240 с.
9. Читау-Кармина М. М. О Каляеве // Голос минувшего на чужой стороне. Париж, 1926. № 3 (16).

TRIAL OF SOCIALIST-REVOLUTIONARY TERRORIST I. P. KALYAEV

Rinat Sayarovich Zakirov

Department of Native History

Moscow State Classical University names after M. A. Sholokhov

rinatz1978@gmail.com

With the help of the range of memoir sources, archival data, and leaflets the author covers the circumstances of the trial of the socialist-revolutionary terrorist Ivan Platonovich Kalyaev, the reasons of filing cassational appeal and execution, and substantiates that Kalyaev's denial of pardon was conscious and had grounds of ethical nature, and the trial, cassational appeal processing and execution were considered as the element of agitation-propagandistic action.

Key words and phrases: socialist-revolutionaries; terrorism; I. P. Kalyaev; assassination attempt; Grand Duke Sergei Aleksandrovich.

УДК 316.356.2

Социологические науки

Статья освещает социальный аспект реализации семейной политики в регионе. В данной работе представлена авторская программа комплексной поддержки молодых семей, направленная на укрепление позитивного статуса институтов семьи и брака, а также совершенствование социального обслуживания.

Ключевые слова и фразы: молодая семья; социальная политика; государственная семейная политика; социальное обслуживание; качество жизни.

Оксана Александровна Карагодина

Кафедра социальной работы и педагогики

Волгоградский государственный университет

Oksana.Zadorozhneva@volsu.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ©

Процессы, происходившие в период трансформации российского общества, породили множество проблем: уменьшение числа зарегистрированных браков, рост свободных отношений, увеличение случаев расторжения брака, снижение уровня социального обслуживания молодых семей. В связи с этим в последнее время со стороны государства предпринимаются попытки нивелирования последствий данных явлений. Сегодня разрабатываются различные национальные проекты, программы поддержки и улучшения качества жизни молодых семей. Высокий уровень качества жизни достигается тогда, когда осуществляется комплексная, планомерная и целенаправленная политика в отношении семьи.